

Научная статья

УДК 343.13

EDN RZDYAR

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).305-315

КАТЕГОРИИ «ОБВИНЕНИЕ» И «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ»: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ, СООТНОШЕНИИ И АДЕКВАТНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ

С.В. Корнакова¹, Е.В. Мищенко²¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

30 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать

15 июля 2024 г.

Дата онлайн-размещения

29 июля 2024 г.

Ключевые слова

Уголовное судопроизводство;
уголовное преследование;
обвинение; избличительная
деятельность; момент начала
уголовного преследования;
возбуждение уголовного
преследования; производство по
уголовному делу

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению таких уголовно-процессуальных категорий, как «уголовное преследование» и «обвинение», особенностей их соотношения. Отмечается отсутствие единодушия в подходах к раскрытию сущности указанных категорий и однозначности их восприятия исследователями, а также некоторая несогласованность норм УПК РФ, в которых употреблены категории «уголовное преследование» и «обвинение», чем обусловлена актуальность обращения к связанным с этим вопросам.

Целью исследования явилась оценка адекватности отражения данных категорий в нормах действующего уголовно-процессуального закона, при этом основное внимание уделено содержанию понятия «уголовное преследование».

Использованы методы теоретического, формально-логического и терминологического анализа, а также исторический и сравнительно-правовой методы. В частности, на основании использования метода терминологического анализа конкретизируется специфика применения понятия «преследование» в сфере уголовного судопроизводства, выражается несогласие с представлением о возможности применения данного понятия в значении избличительной деятельности, ведущейся органами предварительного расследования исключительно в отношении конкретного лица. С опорой на нормы действующего уголовно-процессуального закона приводятся аргументы, опровергающие подобное представление, выражается собственная позиция по данному вопросу. Сравнительно-правовой метод исследования позволил выявить ряд преимуществ формулирования, связанных с определением уголовного преследования норм законодательства стран СНГ.

Даются конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства в рассмотренных в статье аспектах, формулируется определение понятия «уголовное преследование», которое, по мнению авторов, во-первых, раскроет содержание понятия «изобличение» как доказательственной деятельности и, во-вторых, определит момент начала осуществления уголовного преследования.

Original article

THE CATEGORIES OF «ACCUSATION» AND «CRIMINAL PROSECUTION»: TO THE QUESTION OF THE CONTENT, CORRELATION AND ADEQUACY OF THEIR USE IN CRIMINAL PROCEDURE LAW

Svetlana V. Kornakova¹, Elena V. Mishchenko²¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation² Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2024 April 30

Accepted

2024 July 15

Available online

2024 July 29

Abstract. The authors examine the criminal procedure categories of «criminal prosecution» and «accusation», as well as the specifics of their correlation. They state that there is no unified approach to understanding the essence of these categories and no unanimity in how they are perceived by researchers; there is also some inconsistency in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the categories «criminal prosecution» and «accusation», all of which determines the need for addressing these issues.

Keywords

Criminal proceedings; criminal prosecution; accusation; incriminating activity; the moment of commencement of criminal prosecution; initiation of criminal prosecution; criminal proceedings

The goal of the study is to assess how adequately these categories are reflected in the norms of the current criminal procedure law paying key attention to the contents of the concept «criminal prosecution».

The methods include theoretical, formal-logical and terminological analysis, as well as historical and comparative-legal methods. For example, the method of terminological analysis made it possible to specify the application of the concept «prosecution» in criminal proceedings and to disagree with the idea that this concept could be used in the meaning of incriminating activity carried out by preliminary investigation bodies only in relation to a certain person. Using the norms of the current criminal procedure legislation, the authors offer arguments that disprove such views and present their own position on this issue. The comparative legal research method allowed the authors to identify a number of advantages in the wording of the definitions of criminal prosecution norms used in the legislations of the CIS countries.

Specific recommendations are given on the improvement of legislation in those aspects examined in the article, and the definition of the concept «criminal prosecution» is formulated which, according to the authors, firstly, will describe the contents of the concept of «incrimination» as evidentiary activity and, secondly, will determine the moment when criminal prosecution begins.

К вопросам о содержании таких уголовно-процессуальных категорий, как «уголовное преследование» и «обвинение», а также их соотношению и определению правомерного контекста их использования ученые обращались неоднократно. Поэтому данные вопросы нельзя назвать недостаточно исследованными. В частности, вопросы о содержании и соотношении данных категорий являлись предметом исследования ученых, пожалуй, на протяжении всего существования науки уголовно-процессуального права. В досоветский период к ним обращались К.Д. Анциферов, С.И. Викторский, А.А. Квачевский, Н.В. Муравьев, В.Е. Случевский, Н.Н. Розин, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий и др. В период советской России они анализировались П.М. Давыдовым, А.М. Лариным, В.М. Савицим, М.С. Строговичем, Ф.Н. Фаткуллиным, А.Г. Халиулиным, М.А. Чельцовым и др. Не ослабевает интерес к этим вопросам и в современный период. К ним обращались такие ученые, как О.Я. Баев, А.С. Барабаш, Л.М. Володина, Л.В. Головкин, И.С. Дикарев, З.Д. Еникеев, Ф.М. Кудин, Р.В. Мазюк, С.Н. Назаров, А.Б. Соловьев, С.Н. Чурилов, С.А. Шейфер, Н.А. Якубович и многие другие.

Тем не менее, несмотря на достаточную исследованность, единодушия в подходах к раскрытию сущности указанных категорий и однозначности их восприятия исследователями на страницах научных изданий, к сожалению, не наблюдается. В связи с этим, полагаем, может представлять определенный научный интерес анализ точек зрения ученых на разрешение указанных вопросов и выражение в этом отношении собственной позиции. При этом основное внимание в настоящем исследовании будет уделено содержанию понятия «уголовное пре-

следование» и оценке адекватности его отражения в нормах действующего уголовно-процессуального закона.

Прежде всего следует отметить, что трудности в определении соотношения рассматриваемых категорий вызваны неоднозначностью позиции законодателя в этом вопросе, поскольку контекст употребления терминов «уголовное преследование» и «обвинение» в различных нормах не способствует определенности в интерпретации их соотношения.

Содержание п. 45 ст. 5 УПК РФ способствует тому, чтобы понятия «уголовное преследование» и «обвинение» воспринимались некоторыми исследователями как синонимичные [1, с. 13], поскольку после употребления первого понятия законодатель в скобках указал второе, а скобки, как известно, ставятся, если необходимо уточнить смысловое значение отдельных слов или выражений. Подчеркнем, что формулировка указанной нормы неоднократно подвергалась критике со стороны научного юридического сообщества и даже называлась «наибольшим просчетом законодателя» [2, с. 77].

В свою очередь, содержание ч. 1 ст. 20 УПК РФ, в которой законодатель понятие «обвинение» включил в объем понятия «уголовное преследование», позволяет резюмировать наличие между ними подчиненного отношения, где первое охватывается объемом последнего.

Ряд ученых, напротив, считает, что «уголовное преследование осуществляется в рамках функции обвинения» [3, с. 40]. Такое представление, думается, опирается на позицию Конституционного Суда, которым в одном из его определений указано, что «выполнение функции обвинения заключается в возбуждении уголов-

ного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде»¹.

Отметим, что в ряде случаев ошибочное понимание о соотношении рассматриваемых категорий возникает в результате неправомерного отождествления понятий «обвинение» и «функция обвинения». В связи с этим, выражая собственную позицию по этому вопросу, укажем, что нами разделяется точка зрения, высказанная П.М. Давыдовым, о том, что при наличии тесной связи обвинительной деятельности и обвинения каждому из них присуще самостоятельное значение, а в содержание последнего следует вкладывать только одно значение — как «закрепленного в процессуальном акте утверждения органа уголовного судопроизводства о совершении лицом преступления» [4, с. 10–11].

Такая трактовка соответствует законодательному определению понятия «обвинение» в УПК РФ, согласно п. 22 ст. 5 которого под обвинением должно пониматься сформулированное законодателем в указанной норме утверждение. Но утверждать что-либо можно, только имея для этого необходимые основания, а в уголовно-процессуальной сфере основанием любого вывода могут быть только полученные в ходе производства по делу доказательства [5, с. 2465]. Как представляется, из этого следует, что до момента получения необходимой совокупности доказательств об обвинении речи быть не может, а деятельность по их получению должна именоваться уголовным преследованием, но не обвинением. Уголовное преследование — это деятельность, а обвинение — результат этой деятельности.

В этом отношении следует признать обоснованной позицию Ф.М. Кудина и Е.И. Зубенко, в противовес сложившейся традиции в терминологии последовательно и убедительно аргументирующих необходимость замены термина «функция обвинения» в ч. 2 ст. 15 УПК РФ на термин «функция уголовного преследования» и исключения понятия «обвинение» из п. 45 ст. 5 УПК РФ [6, с. 164].

В результате уголовного преследования, как правомерно отмечает Ю.А. Огарь, реализуется назначение уголовного судопроизводства. Но вместе с тем утверждение указанного автора о

том, что в ст. 6 УПК РФ наличествуют две прямо противоположные цели [7, с. 134], вряд ли верно. Отраженные в указанной норме цели отнюдь не являются противоположными, более того, это одна и та же цель, поскольку, согласно логическому закону двойного отрицания, понятия «привлечение виновного» и «непривлечение невиновного» эквивалентны. Привлечением к уголовной ответственности виновного исключается привлечение к такой ответственности невиновного. Примером законодательных конструкций, эквивалентность которых обусловлена тем же логическим законом, являются и понятия «неустановленная причастность» и «установленная непричастность» (п. 20 ст. 5 УПК РФ).

Представляется очевидным, что формулировки в ст. 6 УПК РФ положений, отражающих назначения уголовного судопроизводства, в которых дважды употреблено понятие «защита», адресованы прежде всего к осуществляющим уголовное судопроизводство властным участникам процесса. Но большая часть этих властных участников осуществляет, согласно закону, функцию обвинения, логически несовместимую с защитой. Поэтому видится предпочтительным именовать и самих участников процесса, и реализуемую ими функцию не функцией обвинения, а более нейтральным термином — «функция уголовного преследования». Изобличение действительно виновного в совершении преступления не исключает, а предполагает и «защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» (п. 1, ч. 2 ст. 6 УПК РФ), и «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения» (п. 2, ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Следует указать, что в имеющем сходную с российской правовую систему законодательстве ряда стран СНГ сторона, соответствующая стороне обвинения в УПК РФ, именуется иначе. В Белоруссии и Казахстане к ней относятся государственные органы и должностные лица, осуществляющие «уголовное преследование» (гл. 5 УПК Республики Беларусь)², «функции уголовного преследования» (гл. 8 УПК Республики Казахстан)³. А в УПК Республики Узбекистан участники процесса име-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 УПК РФ : Определение КС РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : (с изм. и доп. по состоянию на 17 июля 2023 г.) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 28–29. Ст. 433.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК : (с изм. и доп. по состоянию на 1 мая 2024 г.) // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).

нуется еще более нейтрально — «Государственные органы и должностные лица, ответственные за производство по уголовному делу» (гл. 3)⁴, к которым отнесен и суд.

Наличие в наименовании гл. 6 УПК РФ понятия «сторона обвинения» может восприниматься и самими участниками процесса, и простыми гражданами как нацеленность данных участников судопроизводства на обвинение. Между тем, по верному утверждению А.С. Барабаша, «смысл уголовно-процессуальной деятельности не в том, чтобы во что бы то ни стало обвинить, а в том, чтобы познать и на основе познанного сформулировать свое отношение к совершенному и совершившему» [8, с. 44].

В этой связи укажем, что при обсуждении проекта Уголовно-процессуального кодекса РФ № 97700236-2 высказывались серьезные сомнения по поводу включения следователя в число лиц со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 проекта), поскольку «исходя из своего процессуального статуса при осуществлении предварительного следствия следователь должен быть так же объективен и беспристрастен, как и суд»⁵. Между тем отсутствие объективности решений в уголовном судопроизводстве исключает их обоснованность [9, с. 2214].

Что касается понятия «уголовное преследование», то здесь стоит уделить внимание изменяющимся с течением времени взглядам на его содержание с момента начала его использования в текстах законов, регулирующих уголовно-процессуальные отношения. В Уставе уголовного судопроизводства 1964 г. понятие «преследование» нередко использовалось в контексте «преступное деяние, подлежащее преследованию» (например, ст. 42, 47, 89, 479 и др.). Другими словами, понятие «преследование» применялось в отношении не только лица, но и деяния, что прослеживалось и в научных воззрениях. Например, об обличении или преследовании преступлений писали М.В. Духовской [10, с. 95], А.А. Квачев-

ский [11, с. 14], о преследовании преступлений как о юридической обязанности назначенных государством должностных лиц писал Н. Муравьев [12, с. 2]. В таком же аспекте использовался термин «уголовное преследование» в уголовно-процессуальных законах молодой советской республики. Положением ст. 9 УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. прокуратуре вменялось в обязанность возбуждать уголовное преследование по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению. Подчеркнем, *по всякому* преступлению, вне зависимости, известен или неизвестен подозреваемый.

Совершенно иначе рассматриваемый термин интерпретировался в науке в период действия УПК РСФСР 1960 г., а с введением в действие УПК РФ 2001 г. и в законе, а именно как избличительная деятельность, ведущаяся органами предварительного расследования исключительно в отношении конкретного лица. Следует отметить, что на правомерности именно такого подхода к употреблению термина «уголовное преследование» настаивают многие ученые [13, с. 140; 14, с. 89], в том числе и в учебной литературе, призванной отражать устоявшиеся в науке воззрения, а также основанной на нормах действующего УПК РФ [15, с. 117–121].

Таким образом, утверждение о том, что уголовное преследование осуществляется исключительно в отношении конкретного лица, многими учеными воспринимается как безусловное, поскольку, по их мнению, можно преследовать только кого-то. Из этой посылки для них с очевидностью следует вывод, что при возбуждении уголовного дела по факту уголовного преследования еще быть не может вплоть до появления в деле подозреваемого.

Полагаем, что основное заблуждение здесь заключается в безосновательном принятии в качестве истинного положения о том, что понятие «преследование» может употребляться только по отношению к определенному лицу. Думается, что это не так. Данное положение легко опровергается наличием таких речевых оборотов, как «преследовать цель», «преследовать интерес» и т.п. Данные речевые обороты в приложении к сфере уголовного судопроизводства вполне применимы в значении «добиваться осуществления чего-либо», а именно — раскрытия преступления посредством сначала установления, а затем избличения виновного.

Еще одним аргументом о якобы недопустимости употребления понятия «преследование»

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан : утв. Законом Респ. Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2013-XII : (с изм. и доп. по состоянию на 19 апр. 2024 г.) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 2. Ст. 5.

⁵ Заключение Правового управления Комитета Государственной Думы по законодательству от 12 ноября 2001 г. по проекту № 97700236-2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и проектам связанных с ним постановлений Государственной Думы. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700236-2> (дата обращения: 30.04.2024).

по отношению к преступлению является утверждение о том, что нельзя преследовать находящееся в прошлом. В этой связи употребление понятия «преследование преступления» Р.В. Мазюк считает катахрезой, т.е. термином, противоречащим его прямому значению, на том основании, что преступление — всегда событие прошлого, и преследовать, по его мнению, можно исключительно существующее в настоящем [16, с. 33].

Аргументом для критики подобного представления, по мнению Н.С. Назарова, является применение Р.В. Мазюком современного подхода к прошлому, нарушающее требование принципа историзма в научном исследовании [17, с. 49]. Нам же видится, что данный аргумент не единственный. На наш взгляд, опора на заведомую общеизвестность значения слова «преследование», якобы априори наделяющая его персонифицирующим характером, вряд ли оправдана, поскольку язык закона имеет самостоятельный стиль, что, в частности, может проявляться в наделении собственной спецификой использованных в тексте закона общеупотребительных терминов. К одному из таких терминов и относится, на наш взгляд, понятие «преследование». Считаю важным обратить внимание на неслучайность того, что коренным для данного слова⁶ является слово «след», значение которого — «примета, признак чего-либо прошлого» [18, с. 597]. Одним из значений слова «преследовать», в котором приставка «пре-» отражает языковой концепт «через», является значение «искать или преследовать по приметам, идти по следам, узнавать обо всем, что до этого предмета относится» [18, с. 524]. В свою очередь, «уголовный» — это «относящийся к преступлению». Поэтому, как представляется, понятие «уголовное преследование» призвано отражать преимущественно опосредованный характер познания обстоятельств прошлого события. Как подчеркивает А.Ф. Лубин, «в уголовном судопроизводстве нельзя ничего познать-раскрыть без “следования по следам”, а единственный путь раскрытия преступлений — использование метода «следования по следам» [19, с. 27]. В связи с этим, в противовес мнению Р.В. Мазюка [16, с. 33], считаем, что в понятии «преследование преступления» нет свойственной катахрезе стилистической ошибки, заключающейся в логической несовместимости значений входящих в него слов.

⁶ Как и для понятий «расследование», «следствие», «следователь».

Кроме этого, даже ученые, утверждающие необходимость наличия связи «между началом уголовного преследования и появлением в деле лица, в отношении которого оно осуществляется», вместе с тем подчеркивают, что «если нет преступления, то и нет уголовного преследования» [15, с. 122]. Но из этого логически следует, что, если есть преступление, то есть и уголовное преследование.

В этом вопросе нами разделяется позиция ученых, считающих, что «осуществление уголовного преследования не может быть поставлено в зависимость от формального появления в уголовном процессе процессуальной фигуры обвиняемого или подозреваемого» [20, с. 347], и понимающих под уголовным преследованием «процессуальную деятельность по установлению события преступления и изобличению лиц, виновных в его совершении» [21; 22, с. 89; 23, с. 79]. По справедливому мнению З.Д. Еникеева, «когда уголовное дело возбуждается по факту преступления, но еще нет данных о преступнике, начинается осуществляться преследование преступления» [24, с. 67], поэтому изобличающие факты могут быть получены и до появления в деле подозреваемого (обвиняемого). Такое понимание соответствует и позиции Конституционного Суда РФ, которым в постановлении от 27.06.2000 г. № 11-П указано, что фактически уголовное преследование может быть начато до постановки лица в процессуальное положение подозреваемого, например, когда этому предшествует производство следственного действия (опознания, обыска и др.)⁷.

На наш взгляд, представление об уголовном преследовании как деятельности, осуществляемой исключительно в отношении конкретного лица, не согласуется с положениями гл. 3 УПК РФ, озаглавленной как «Уголовное преследование». Р.В. Мазюк, анализируя содержание данной главы, отмечает, что в содержании входящих в нее норм не проводится отграничение таких уголовных дел от дел, возбужденных «по факту» (ст. 20 УПК РФ) [13, с. 141]. Не содержит такого разграничения и обязанность осуществления уголовного преследования, предполагающая прежде всего принятие мер «по установлению события

⁷ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституц. Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

преступления» (ст. 21 УПК РФ) [25, с. 110]. А в оставшихся нормах гл. 3 УПК РФ понятия «уголовное преследование» (ст. 22 УПК РФ) и «привлечение к уголовному преследованию» (ст. 23 УПК РФ) использованы в значении «уголовное дело» и «возбуждение уголовного дела».

Не согласуется с пониманием уголовного преследования как деятельности только в отношении известного лица и право прокурора на инициирование уголовного преследования (п. 2 ч 2 ст. 37 УПК РФ), реализация которого возможна «по любым фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства», а не только в отношении конкретного лица.

Проведенный сравнительный анализ закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве стран СНГ определений уголовного преследования показал, что в большинстве стран этим понятием охватывается и деятельность по установлению самого факта совершения преступления. В частности, согласно содержанию соответствующих норм, уголовное преследование осуществляется в целях «установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния» (п. 48 ст. 6 УПК Республики Беларусь); «сбора подтверждающих доказательств, наличия или отсутствия признаков запрещенных уголовным законом деяний в фактически совершенных действиях» (п. 39 ст. 6 УПК Туркменистана)⁸; «установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица» (ст. 6 УПК Республики Таджикистан⁹ и п. 22 ст. 7 Республики Казахстан); «установления события преступления, изобличения лица, совершившего деяние, предусмотренное уголовным законом (п. 4 ст. 7 УПК Азербайджанской Республики)¹⁰.

В анализируемом аспекте, на наш взгляд, выгодное отличие имеет УПК Республики Молдова, в котором раздел I «Уголовное преследование» предваряется самостоятельной нормой (ст. 252), определяющей его предмет и цель. Согласно ее содержанию, «предметом уголовного

преследования является сбор необходимых доказательств о наличии преступления, идентификации исполнителя деяния...»¹¹.

Явным преимуществом некоторых из приведенных определений уголовного преследования, по сравнению с определением, данным российским законодателем, на наш взгляд, является не только отражение в них необходимости установления обстоятельств, именуемых в доктрине уголовно-процессуальной науки «главным фактом», но и указание на то, каким образом, посредством чего оно достигается — посредством собирания необходимых доказательств.

Как справедливо в этой связи отмечает С.А. Шейфер, изобличать кого-либо в совершении преступления, «можно лишь тогда, когда выявлен сам факт совершения преступления», поэтому понятие «уголовное преследование» должно означать «деятельность уполномоченных лиц по выявлению и раскрытию преступления, собиранию доказательств, указывающих на виновных лиц, обоснованию их вины» [26, с. 20]. На то, что содержание уголовного преследования — это деятельность по собиранию доказательств, указывалось еще М.С. Строговичем [27, с. 65].

Действительно, изобличить лицо в совершении преступления невозможно иначе, как с помощью доказательств, процесс получения которых строго регламентирован законом и именуется доказыванием. Использование практически всех процессуальных средств направлено на получение доказательств, а если речь идет о применении мер принуждения, то на предупреждение возможности их утраты или устранение препятствий в их получении. В связи с этим, думается, нет необходимости в перечислении конкретных процессуальных действий и решений, входящих в содержание уголовного преследования, как это делается многими исследователями [20, с. 349; 28, с. 349; 29, с. 19], поскольку все они не могут не служить доказыванию и не иметь цели изобличения лица в совершении преступления с помощью собранных в ходе его осуществления доказательств.

Стоит отметить, что на момент принятия ответственным комитетом решения о представлении законопроекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации № 97700236-2 в Совет Государственной Думы (12.05.1997 г.) в его

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. : (с изм. и доп. по состоянию на 25 нояб. 2023 г.). URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706 (дата обращения: 04.05.2024).

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. : (с изм. и доп. по состоянию на 3 янв. 2024 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. : (с изм. и доп. по состоянию на 22 дек. 2023 г.) // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 8. Ст. 585.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV : (с изм. и доп. по состоянию на 28 дек. 2023 г.) // Официальный монитор Республики Молдова. 2013. № 248-251. Ст. 699.

тексте уголовное преследование определялось как «деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем с целью изобличения на основе собранных доказательств подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 17 ст. 5)¹². В окончательной редакции из данного определения словосочетание «на основе собранных доказательств» было исключено. Как представляется, напрасно. Полагая, что наличие в тексте действующего УПК РФ приведенной выше первоначальной формулировки лишило бы оснований не прекращающейся уже довольно продолжительное время на страницах научных изданий дискуссии по поводу содержания уголовного преследования.

Как справедливо подчеркивает С.А. Шейфер, «уголовное преследование — важная и необходимая составляющая уголовного судопроизводства» [26, с. 21], без осуществления которого, по обоснованному утверждению Ю.А. Огаря, все уголовное судопроизводство теряет какой-либо смысл [7, с. 134]. Но правомерно оцениваемый исследователями, как обладающий высокой юридической техникой [30, с. 143] УПК РСФСР 1960 г.¹³, регулируя те же общественные отношения, вполне успешно обходился без понятия «уголовное преследование» более 40 лет, хотя в научной среде в соответствующий период времени, как уже отмечалось, оно активно использовалось. Обращение к нормам УПК РФ показало, что данное понятие употреблено в законе 192 раза, и в этой связи представляет научный интерес установление того, всегда ли оправдано его употребление. В большинстве случаев это понятие использовано в значении «производство по делу», «уголовное дело», «возбуждение уголовного дела», а в некоторых случаях — «привлечение к ответственности».

В частности, применение последнего из указанных значений прослеживается в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в которой полагаем не вполне корректным употребление словосочетания «истечение сроков давности уголовного преследования». Согласно ч. 2 ст. 78 УК РФ сроки давности исчисляются со дня совершения преступления, но не со дня уголовного преследования. Заметим, что

¹² Заключение Правового управления Комитета Государственной Думы по законодательству от 12 ноября 2001 г. по проекту № 97700236-2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и проектам связанных с ним постановлений Государственной Думы.

¹³ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом) : Закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. : (ред. от 16 янв. 1990 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

во всех без исключения предшествующих УПК РФ российских уголовно-процессуальных законах в соответствующих нормах содержалось понятие «за истечением давности» (ч. 4 ст. 4 УПК РСФСР 1922 г.¹⁴ и 1923 г.¹⁵), «сроков давности» (п. 3 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.). Также не упоминается понятие «уголовное преследование» в аналогичных нормах УПК Республики Молдова (п. 4 ст. 275), Республики Беларусь (п. 3 ч. 1 ст. 29) и Туркменистана (п. 3 ч. 1 ст. 31), а в уголовно-процессуальных законах иных стран СНГ в отношении такого срока указаны давность «привлечения к уголовной ответственности» (п. 12. ч. 1 ст. 27 УПК Кыргызской Республики¹⁶, п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК Азербайджанской республики и п. 4 ч. 1 ст. 25 УПК Республики Казахстан), «привлечения лица к ответственности» (п. 1 ч. 1 ст. 84 УПК Республики Узбекистан). Указанным, на наш взгляд, подтверждается необходимость корректировки п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ посредством замены понятия «уголовное преследование» на понятие «привлечение к уголовной ответственности».

Кроме того, в действующем уголовно-процессуальном законе неопределенным остался вопрос о моменте начала уголовного преследования. Как представляется, в отличие от подозрения и обвинения, всегда персонифицированных, уголовное преследование осуществляется с момента получения сведений о наличии признаков преступления. Именно такое понимание уголовного преследования вытекает из содержания ч. 2 ст. 21 УПК РФ. В свою очередь, обнаружение признаков преступления является установленным законом основанием для возбуждения уголовного дела. Из этого следует, что до возбуждения уголовного дела вести речь об осуществлении уголовного преследования неправомерно.

Возникает резонный вопрос: можно ли согласиться с таким выводом? Полагаем, что нельзя. В качестве довода для такого ответа можно привести наличие в уголовном судопроизвод-

¹⁴ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

¹⁵ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : Постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. : (ред. от 31 янв. 1958 г.) // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 : (с изм. и доп. по состоянию на 3 апр. 2024 г.) : принят Жогорку Кенешем Кыргыз. Респ. 22 сент. 2021 г. // Эркин Тоо. 2021. № 122-123.

стве такого вида производства, как дознание в сокращенной форме, при котором изобличительные сведения, полученные на этапе проверки сообщения о преступлении, могут стать доказательствами после возбуждения уголовного дела без дополнительной проверки при условии, что они не оспариваются стороной защиты (п. п. 1–3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Таким образом, момент начала уголовного преследования как изобличительной деятельности выходит за рамки возбужденного уголовного дела.

Не способствует пониманию начала срока уголовного преследования и содержание ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, в которой начало такого срока различно для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, и потерпевшего, т.е. по одному и тому же делу начало такого срока может быть различным. Причем для первого из них определение разумного срока уголовного преследования — «со дня начала осуществления уголовного преследования» — не дает конкретного ответа на вопрос об этом начале. А для второго вроде бы более определено — «со дня подачи заявления, сообщения о преступлении». Но, полагаем, подобное определение не соответствует букве закона. Во-первых, на момент подачи заявления о преступлении еще нет потерпевшего, он будет признан таковым только при возбуждении уголовного дела при вынесении соответствующего постановления (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Во-вторых, вред, причиненный преступлением, как и наличие самого преступления, не могут быть достоверно выявлены на этапе получения сообщения о преступлении, их установление — задача доказывания уже в ходе производства по делу (п. 4 и п. 1 ст. 73 УПК РФ). В-третьих, на что не менее важно обратить внимание, подобным законодательным закреплением для потерпевшего начала срока уголовного преследования в очередной раз опровергается мнение о возможности его осуществления исключительно в отношении известного лица.

Полагаем, указанная несогласованность уголовно-процессуальных норм возникла в связи с явно некорректным использованием в ст. 6.1 УПК РФ понятия «уголовное преследование». На наш взгляд, устранение данной несогласованности возможно только в случае замены понятия «уголовное преследование» понятием «уголовное судопроизводство», которое, кстати, и вынесено в название комментируемой нормы.

Некоторые авторы начальный момент уголовного преследования связывают с проведе-

нием первого процессуального действия принудительного характера [23, с. 28; 31, с. 15; 32, с. 12]. Действительно, определяющим понятием, взятым законодателем за основу дефиниции уголовного преследования, является понятие «процессуальная деятельность», т.е. деятельность, осуществляемая исключительно в рамках и по поводу уголовно-процессуальных отношений. Например, задержание лица до возбуждения уголовного дела — деятельность, безусловно, процессуальная, поскольку предусмотрена законом (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Но уголовное преследование, согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ, — деятельность не только процессуальная, но и изобличительная, а «изобличать», по Далю, означает «обличать доказательно» [18, с. 424]. В этой связи представляется, что сам факт задержания, не будучи отраженным в имеющих доказательственное значение документах, отражающих обстоятельства задержания, не может являться фактом изобличительным. Исходя из этого, и включение некоторыми авторами в уголовное преследование применение мер процессуального принуждения вряд ли оправданно [33, с. 51; 28, с. 19], т.к. сами по себе эти меры не обладают изобличительным (доказательственным) значением.

С этой же позиции несостоятельны представления ученых о том, что «уголовное преследование может иметь место при проведении оперативно-розыскных мероприятий» [31, с. 26], поскольку без реализации предусмотренной законом процедуры уже в рамках возбужденного уголовного дела, позволяющей использовать полученные органом ОРД сведения в качестве доказательств (ст. 89 УПК РФ), таковых не будет.

Еще одним аргументом, опровергающим мнение ученых о начале уголовного преследования с момента применения мер принуждения, является то, что в таком случае объемом уголовного преследования не будет охватываться производство по делам частного обвинения, где меры процессуального принуждения практически не применяются. На наш взгляд, начало осуществления уголовного преследования необходимо связывать с моментом получения сведений изобличительного характера, дающих основание для возбуждения уголовного дела.

Кроме этого, не подвергается сомнению утверждение о том, что термин «уголовное преследование» применим к любому виду производств, предусмотренных УПК РФ, в том числе в отношении имеющих психические расстройства лиц (гл. 51). Между тем в определении уголов-

ного преследования (п. 55 ст. 5) употреблено понятие «преступление», которое в гл. 51 УПК РФ по известным причинам не упоминается. Не охватывается законодательной дефиницией и деятельность, направленная на применение к лицу принудительных мер воспитательного воздействия [30, с. 142]. В связи с этим обоснованным видится вывод И.С. Дикарева о необходимости замены в указанном определении понятия «преступление» на понятие «запрещенное уголовным законом деяние» [34, с. 23].

Отметим, что именно таким образом сформулирована дефиниция уголовного преследования в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран СНГ. В частности, в соответствующих нормах, регулирующих уголовно-процессуальные отношения законов этих стран, употреблены термины «общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом» (п. 48 ч. 1 ст. 21 УПК Республики Беларусь), «запрещенное уголовным законом деяние» (п. 4 ст. 7 УПК Азербайджанской Республики, п. 22 ст. 7 УПК Республики Казахстан, ст. 6 УПК Республики Таджикистан, п. 39 ст. 6 УПК Туркменистана). Как представляется, в п. 55 ст. 5 российского УПК также должен найти отражение подобный термин, поскольку лишь в этом случае, на наш взгляд, бу-

дет обеспечено выполнение обязательного требования юридической техники — требования о достаточной обобщенности нормы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о некоторой несогласованности и некорректности ряда норм действующего УПК РФ при использовании понятий «обвинение» и «уголовное преследование». Учет законодателем высказанных в статье рекомендаций, по мнению авторов, мог бы способствовать большей определенности и конкретности положений проанализированных норм. Считаем необходимым отразить в п. 55 ст. 5 УПК РФ следующее определение уголовного преследования: «это деятельность, осуществляемая стороной уголовного преследования с целью изобличения на основе собранных доказательств подозреваемого, обвиняемого в совершении запрещенного уголовным законом деяния». Такая дефиниция, во-первых, раскроет содержание понятия «изобличение» как доказательственной деятельности, и, во-вторых, определит начало осуществления уголовного преследования — с момента получения сведений изобличительного характера на этапе проверки сообщения о преступлении, позволяющих сделать вывод о наличии оснований для возбуждения уголовного дела.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.М. Баксалова. — Томск, 2002. — 209 с.
2. Мазюк Р.В. О начальном моменте реализации функции обвинения в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. — EDN TRXQVB // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2013. — № 1 (4). — С. 74–83.
3. Синкин К.А. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России / К.А. Синкин, Д.А. Емельянова. — DOI 10.14258/ralj(2021)1.8. — EDN ECANGG // Российско-азиатский правовой журнал. — 2021. — № 1. — С. 36–42.
4. Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе / П.М. Давыдов. — Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1974. — 136 с.
5. Standards of Criminal Procedure Evidence / V.V. Vapniarchuk, V.M. Trofymenko, O.G. Shylo, V.I. Maryniv // Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2018. — Vol. 9, no. 7. — P. 2462–2470.
6. Кудин Ф.М. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса / Ф.М. Кудин, Е.И. Зубенко. — EDN NDAXWN // Общество и право. — 2010. — № 2. — С. 159–168.
7. Огарь Ю.А. Возбуждение уголовного дела и начало уголовного преследования: проблемы соотношения / Ю.А. Огарь. — EDN JFVEDZ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2021. — № 4 (45). — С. 133–140.
8. Барабаш А.С. Обвинение как двигатель уголовного процесса / А.С. Барабаш. — EDN KRRXIT // Адвокатская практика. — 2006. — № 5. — С. 44–48.
9. Validity and Motivation of Decisions in Criminal Proceedings / M. Abzalbekova, L. Arenova, Y. Zbinskaya [et al.] // Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2018. — Vol. 9, no. 7. — P. 2209–2217.
10. Духовской М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. — Москва : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1897. — 278 с.
11. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 г.: теоретическое и практическое руководство : в 3 ч. Ч. 2. О дознании и розыске / А. Квачевский. — Санкт-Петербург : Тип. Ф.С. Сушинского, 1867. — 371 с.
12. Муравьев Н. Задачи прокурорского надзора / Н. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. — 1884. — № 7. — С. 1–66.
13. Мазюк Р.В. Институт уголовного преследования в системе институтов российского уголовного судопроизводства / Р.В. Мазюк. — EDN OYOHNN // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 2(57). — С. 139–144.
14. Чурилов С.Н. О соотношении понятий «функция обвинения», «уголовное преследование» и «обвинение» / С.Н. Чурилов. — EDN UHNLBN // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. — 2015. — № 3 (19). — С. 85–89.

15. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Статут, 2021. — 1328 с.
16. Мазюк Р.В. Об использовании понятий «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование» в уставе уголовного судопроизводства 1864 г / Р.В. Мазюк. — EDN VHMEGJ // Глаголь правосудия. — 2014. — № 2 (8). — С. 29–33.
17. Назаров С.Н. Исторические основы понятия «уголовное преследование» / С.Н. Назаров. — EDN QFHXYZ // Юристы-Правоведы. — 2022. — № 1(100). — С. 47–52.
18. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. — Москва : Эксмо, 2006. — 736 с.
19. Лубин А.Ф. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений: курс лекций / А.Ф. Лубин. — Нижний Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2014. — 201 с. — EDN VHDNAF.
20. Чулюкин Л.Д. Функция уголовного преследования / Л.Д. Чулюкин, И.Ф. Гайнулов. — EDN HUWPUZ // Вестник Казанского технологического университета. — 2006. — № 2. — С. 345–350.
21. Баев О.Я. Прокурор в структуре уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса / О.Я. Баев. — Москва, 2003.
22. Бандурин С.Г. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / С.Г. Бандурин, Н.А. Громов, Е.В. Шишкина // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 83–89.
23. Соловьев А.Б. К вопросу о концепции правового обеспечения функции уголовного преследования / А.Б. Соловьев, Н.А. Якубович // Современные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики. — Москва ; Кемерово, 1996. — 354 с.
24. Еникеев З.Д. Уголовное преследование / З.Д. Еникеев. — Уфа : Изд-во БашГУ, 2000. — 131 с.
25. Мазюк Р.В. О роли функции обвинения (уголовного преследования) в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. — EDN TRXTJT // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — № 2 (6). — С. 103–112.
26. Шейфер С.А. Остается ли прокурор органом уголовного преследования на досудебном производстве? / С.А. Шейфер. — EDN ZWXDSD // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : сб. науч. ст. — Самара, 2009. — С. 19–28.
27. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 191 с.
28. Мазюк Р.В. О содержании института уголовного преследования / Р.В. Мазюк. — EDN TRPNJL // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2008. — № 1 (1). — С. 11–20.
29. Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Халиулин. — Москва, 1997. — 36 с.
30. Талалаев К.А. Уголовное преследование: проблемы определения / К.А. Талалаев. — DOI 10.18287/2542-047X-2020-6-4-142-145. — EDN SYIUJZ // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — Т. 6, № 4. — С. 142–145.
31. Агабеков К.С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия / К.С. Агабеков. — EDN YSGDCX // Мировой судья. — 2019. — № 1. — С. 14–18.
32. Горлова С.В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.В. Горлова. — Челябинск, 2006. — 18 с.
33. Лантух Н.В. Роль уголовного преследования в системе уголовно-процессуальных институтов / Н.В. Лантух. — DOI 10.22394/2686-7834-2021-2-47-52. — EDN TETZSD // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2021. — № 2. — С. 47–52.
34. Дикарев И.С. Уголовное преследование: уточнение понятия / И.С. Дикарев. — EDN RBJKWF // Российская юстиция. — 2013. — № 9. — С. 23–25.

REFERENCES

1. Baksalova A.M. *The Criminal Procedure Function of the Accusation Carried out by the Prosecutor and its Implementation at the Court Hearing*. Cand. Diss. Tomsk, 2002. 209 p.
2. Maziuk R.V. About the Initial Moment of Realization Function of Charge in the Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Reading*, 2013, no. 1, pp. 74–83. (In Russian). EDN: TPXAQB.
3. Sinkin K.A., Emelyanova D.A. On the Notion and the Essence of Function of the Criminal Prosecution in the Current Criminal Proceedings of Russia. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*, 2021, no. 1, pp. 36–42. (In Russian). EDN: ECANGG. DOI: 10.14258/ralj(2021)1.8.
4. Davydov P.M. *Accusation in Soviet Criminal Proceedings*. Sverdlovsk, Middle Ural Publishing House, 1974. 136 p.
5. Vapniarchuk V.V., Trofymenko V.M., Shylo O.G., Maryniv V.I. Standards of Criminal Procedure Evidence. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2018, vol. 9, no. 7, pp. 2462–2470.
6. Kudin F.M., Zubenko E.I. The Concept of Accusation in the Science and Legislation of the Russian Criminal Process. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 2, pp. 159–168. (In Russian). EDN: NDAXWN.
7. Ogar Y.A. Initiation of Criminal Proceedings and Initiation of Criminal Prosecution: Problems of Correlation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2021, no. 4, pp. 133–140. (In Russian). EDN: JFVEDZ.
8. Barabash A.S. Prosecution as a Driver of Criminal Process. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2006, no. 5, pp. 44–48. (In Russian). EDN: KRRXIT.
9. Abzalbekova M., Arenov L., Zbinskaya Y. [et al.]. Validity and Motivation of Decisions in Criminal Proceedings. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2018, vol. 9, no. 7, pp. 2209–2217.
10. Dukhovskoi M.V. *Russian Criminal Process*. Moscow, Society for Dissemination of Good Books Publ., 1897. 278 p.
11. Kvachevskii A. *On Criminal Prosecution, Inquiry and Preliminary Investigation of Crimes under Court Statutes of 1864*. Saint Petersburg, F.S. Sushinskii Publ., 1867. Pt. 2. 371 p.
12. Murav'ev N. *Tasks of Prosecutor's Supervision. Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava = Journal of Civil and Criminal Law*, 1884, no. 7, pp. 1–66. (In Russian).

13. Mazyuk R.V. The Institution of Criminal Prosecution in the System of Russian Criminal Procedure Institutions. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2012, no. 2, pp. 139–144. (In Russian). EDN: OYOHNN.
14. Churilov S.N. About the Relation Between the Concepts of "Functions of Prosecution", "Prosecution" and "Accusation". *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universite-ta. Seriya: Yuridicheskie nauki = Moscow City University. Series Legal Sciences*, 2015, no. 3, pp. 85–89. (In Russian). EDN: UHHLBN.
15. Golovko L.V. (ed.). *A Course of Criminal Process*. 3rd ed. Moscow, Statut Publ., 2021. 1328 p.
16. Mazyuk R.V. On Using the Concepts "Criminal Prosecution", "Court Action", "Prosecution" in the Statute of Criminal Court Proceedings of 1864. *Glagol Pravosudiya = The Verb of Justice*, 2014, no. 2, pp. 29–33. (In Russian). EDN: VHMEGJ.
17. Nazarov S.N. Historical Foundations of the Concept of "Criminal Prosecution". *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2022, no. 1, pp. 47–52. (In Russian). EDN: QFHXYZ.
18. Dal V.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language. A Modern Version*. Moscow, Ehksmo Publ., 2006. 736 p.
19. Lubin A.F. *Criminalistic Basics of the Crime Investigation Work*. Nizhny Novgorod State Medical Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs Publ., 2014. 201 p. EDN: VHDNAF.
20. Chulyukin L.D., Gainulov I.F. *The Function of Criminal Prosecution*. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta = Herald of Kazan Technological University*, 2006, no. 2, pp. 345–350. (In Russian). EDN: HUWPUZ.
21. Baev O.Ya. *The Prosecutor in the Structure of Criminal Prosecution at the Pre-trial Stages of the Criminal Process*. Moscow, 2003.
22. Bandurin S.G., Gromov N.A., Shishkina E.V. Institute of Criminal Prosecution in Russian Criminal Court Proceedings. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2004, no. 12, pp. 83–89. (In Russian).
23. Solov'ev A.B., Yakubovich N.A. To the Concept of Legal Support of the Criminal Prosecution Function. *Contemporary Problems of Criminal Law, PProcess and Criminalistics*. Moscow, Kemerovo, 1996. 354 p.
24. Enikeev Z.D. *Criminal Prosecution*. Ufa, Bashkir State University Publ., 2000. 131 p.
25. Maziuk R.V. About the Role of the Function of Indictment (Criminal Prosecution) in the Russian Criminal Proceedings. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2014, no. 2, pp. 103–112. (In Russian). EDN: TPXTJT.
26. Sheifer S.A. Does the Prosecutor Remain a Body of Criminal Prosecution during Pre-trial Proceedings? *Topical Problems of Contemporary Criminal Process in Russia. Collected Papers*. Samara, 2009. Pp. 19–28. (In Russian). EDN: ZWXDSJ.
27. Strogovich M.S. *Criminal Prosecution in the Soviet Criminal Process*. Moscow, the USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 191 p.
28. Mazyuk R.V. On the Contents of the Institute of Criminal Prosecution. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2008, no. 1, pp. 11–20. (In Russian). EDN: TRPNJL.
29. Khaliulin A.G. *Criminal Prosecution as a Function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Problems of Implementation in the Conditions of the Legal Reform)*. *Doct. Diss.* Moscow, 1997. 36 p.
30. Talalaev K.A. Criminal Prosecution: The Problems of Definition. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 4, pp. 142–145. (In Russian). EDN: SYUJUZ. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-142-145.
31. Agabekov K.S. On Initiation of Criminal Proceedings in the Conditions of Protective Justice. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2019, no. 1, pp. 14–18. (In Russian). EDN: YSGDCX.
32. Gorlova S.V. *Criminal Prosecution as a Manifestation of the Public Dimension of the Criminal Process*. *Cand. Diss. Thesis*. Chelyabinsk, 2006. 18 p.
33. Lantukh N.V. Role of Criminal Prosecution in the System of Criminal Procedural Institutions. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Jurisprudence*, 2021, no. 2, pp. 47–52. (In Russian). EDN: TETZSD. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-2-47-52.
34. Dikarev I.S. The Prosecution: Clarification of the Notion. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2013, no. 9, pp. 23–25. (In Russian). EDN: RBJKWF.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корнакова Светлана Викторовна — доцент кафедры теории и истории государства и права Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Мищенко Елена Валерьевна — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: map_1234@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Корнакова С.В. Категории «обвинение» и «уголовное преследование»: к вопросу о содержании, соотношении и адекватности их использования в уголовно-процессуальном законе / С.В. Корнакова, Е.В. Мищенко. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(3).305-315. — EDN RZDYAR // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 305–315.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kornakova, Svetlana V. — Ass. Professor, Department of the Theory and History of State and Law, Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Ph.D. in Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: Svetlanakornakova@yandex.ru.

Mishchenko, Elena V. — Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Faculty (Command), Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Doctor of Law, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: map_1234@mail.ru.

FOR CITATION

Kornakova S.V., Mishchenko E.V. The Categories of «Accusation» and «Criminal Prosecution»: To the Question of the Content, Correlation and Adequacy of Their Use in Criminal Procedure Law. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 305–315. (In Russian). EDN: RZDYAR. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).305-315.